

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Близился к завершению очередной тяжелый день хозяйки парикмахерского салона Кэти Финглас. Самое плохое, что могло случиться, произошло сегодня. Одна из клиенток не предупредила о том, что страдает аллергией, и в результате весь ее лоб покрылся красной сыпью и буграми. Мать невесты, увидев свою прическу, закатила истерику и заявила, что станет настоящим посмешищем для гостей. А клиента, который попросил осветлить несколько прядей, чуть не хватил удар, когда в середине покраски он решил поинтересоваться стоимостью услуги и получил ответ на свой вопрос согласно прейскуранту. В довершение ко всему Гарри, муж Кэти, не имея в голове совершенно ничего дурного, по-дружески положил руки на плечи одной из клиенток — с виду лет шестидесяти, — которая пригрозила затаскать его по судам за сексуальные домогательства.

Кэти смотрела на стоящего перед ней мужчину — это был высокий крупный священник с рыжеватыми волосами, мечами тронутыми сединой.

— Это вы Кэти Финглас? Насколько я понимаю, вы хозяйка данного заведения? — спросил священник, нервно и презрительно осматривая салон, будто это был бордель.

— Совершенно верно, святой отец, — сказала Кэти с тяжелым вздохом. Ну? И что еще ее ожидает?

— Я недавно разговаривал на пристани с девушками, которые работают здесь, и они мне сказали...

Кэти почувствовала себя очень утомленной. Недавно она взяла на работу парочку школьниц выпускного класса,

исправно платила им, обучала тонкостям мастерства. Чем они могли быть недовольны? О чем могли пожаловаться священнику?

— Я вас слушаю, отец. Так в чем проблема? — поинтересовалась она.

— Да есть небольшая проблемка. Я подумал, что стоит перейти к делу без обиняков. — Священник мялся, словно чувствовал неловкость.

— Я слушаю вас, говорите, — сказала Кэти.

— Речь идет об этой женщине, Стелле Диксон. Дело в том, что она лежит в больнице...

— В больнице?

Голова Кэти пошла кругом. Что бы это все значило? Неужели какая-то клиентка обнюхалась перекиси?

— Очень жаль, — сказала Кэти, стараясь не выдать волнения.

— Она хочет сделать укладку.

— Вы хотите сказать, что она снова готова довериться нам?

Да, порой жизнь непредсказуема.

— Нет, не думаю, она не бывала у вас ранее... — озадаченно возразил священник.

— А какова ваша роль в этом деле, святой отец?

— Меня зовут Брайан Флинн. Я временно исполняю обязанности капеллана при больнице Святой Бригитты, пока постоянный капеллан отправился в паломничество в Рим. Эта женщина попросила меня привести парикмахера — вполне приличная просьба, если не считать, что она же заказала мне выпивку и сигареты.

— Так вы хотите, чтобы я отправилась в больницу и сделала ей укладку там?

— Дело в том, что она серьезно больна. Она умирает, понимаете? Я подумал, что будет лучше, если с ней поговорит кто-то постарше. Нет, я, конечно, не хочу сказать, что вы выглядите старой — вы еще так молоды, — пролепетал священник.

— О Господи! Как много потеряли женщины Ирландии, когда вы отреклись от мира и пошли в священники! — сказа-

ла Кэти. — Давайте мне координаты. Я захвачу волшебный чемоданчик с инструментами и навещу ее в больнице.

— Спасибо вам большое, мисс Финглас. Вот — здесь все написано. — И отец Флинн протянул ей листик с адресом.

К ним с нервно-озабоченным видом подошла женщина средних лет в очках, спустившихся на самый кончик носа.

— Это вы обучаете людей парикмахерским хитростям? — спросила она.

— Да. Точнее сказать, мы обучаем парикмахерскому искусству, — поправила Кэти.

— К нам из Америки на несколько недель приезжает родственница. Она говорит, что в США во многих парикмахерских можно сделать прическу за сущие копейки, если ты позволишь мастеру тренироваться на своих волосах.

— У нас тоже есть подобная практика. Каждый вторник по вечерам мы приглашаем студентов. Они приходят со своими полотенцами, мы делаем им укладку, а они делают благотворительный взнос в размере пяти евро.

— Так ведь сегодня вторник! — радостно закричала женщина.

— Совершенно верно, — выдавила Кэти сквозь зубы.

— Вы можете меня записать? Меня зовут Джози Линч.

— Хорошо, миссис Линч. Приходите после семи часов, — пробормотала Кэти, записывая фамилию клиентки.

Она бросила быстрый взгляд на священника — в глазах мужчины читалось сочувствие и понимание.

Держать парикмахерский салон — дело не из легких.

Джози и Чарльз Линч вот уже тридцать два года жили в доме номер 23 на Сент-Иарлаф-Крещент — с тех самых пор, как поженились. За это время многое изменилось в их районе. Магазинчик на углу превратился в мини-маркет; старая прачечная, где раньше самостоятельно стирали, гладили и складывали в стопки простыни и пододеяльники, теперь была оборудована большими стиральными машинами — клиенты

оставляли хозяйке прачечной мешки с грязным бельем и потом уже забирали его чистым.

Кроме того, теперь их район мог похвастаться небольшой больницей с четырьмя врачами, а ведь раньше на всю округу был только один старый доктор Джиллеспи, который сначала помогал людям приходить в этот мир, а потом провожал в мир иной. На пике экономического бума недвижимость на улице Святого Иарлафа продавалась за баснословные суммы. Конечно, наибольшим спросом пользовались небольшие домики с садиками недалеко от центра города. Но времена изменились, кризис всех уравнивал, и все же за последние три десятка лет люди здесь стали более зажиточными, состоятельными. Взять хотя бы Молли и Пэдди Кэрролл и их сына Деклана — он сейчас врач, причем высококвалифицированный! Или посмотреть на Кейси, дочь Матти и Лиззи Скарлетт, — она управляет кейтеринговой компанией и обслуживает торжества высокого уровня.

И все же во многом стало хуже. Местные жители перестали общаться. Не было больше торжественных шествий в праздник тела Господня, как тридцать лет назад. Джози и Чарльзу Линчам казалось, что они одни во всем мире — ну уж точно на всей улице — каждую ночь молятся на коленях, перебирая четки. Так у них было заведено.

Поженившись, они взяли за правило молиться вместе, искренне полагая, что семья, которая так поступает, остается нерушимой. Они планировали завести восемь-девять детей, ибо Господь Бог не оставляет чад своих без хлеба. Но их планам не суждено было сбыться. После рождения Ноэля врачи сказали Джози, что теперь она не сможет иметь детей. Это известие обрушилось на чету тяжелым ударом. Оба супруга происходили из больших семей, их братья и сестры тоже обзавелись многочисленными потомками. Но, видимо, такова судьба. Родители надеялись, что Ноэль со временем примет сан. Как только мальчику исполнилось три года, они начали копить средства, чтобы выучить его на священника. Джози регулярно откладывала деньги из зарплаты, которую ей исправно плати-

ли на бисквитной фабрике. Кроме того она каждую неделю вносила небольшую сумму в сберкассу при почтовом отделении, и каждую пятницу так же поступал Чарльз, получая в конверте свою зарплату в гостинице, где он работал швейцаром. Поэтому к тому времени, когда Ноэль вырастет, должна была скопиться приличная сумма, достаточная, чтобы мальчик получил духовное образование.

Для родителей стало большим разочарованием и сюрпризом, когда выяснилось, что их спокойный сын совершенно не проявляет никакого интереса к религии. Святые отцы заявили, что у мальчика не наблюдается наклонностей, чтобы стать служителем Господа. Когда же Ноэлю в возрасте четырнадцати лет родители сообщили о возможных перспективах продвижения на церковном поприще, он заявил, что даже если это будет единственная работа на земле, он не станет ею заниматься.

В этом Ноэль был убежден.

Единственное, в чем он не был уверен, — какая профессия его на самом деле интересует. Ноэль не имел об этом четкого представления, и когда его спрашивали, он говорил, что хотел быть управлять какой-нибудь конторкой. Именно управлять — а не работать. Он не проявлял интереса к занятиям по менеджменту или бухгалтерии либо к другим областям знаний, связанным с управленческим учетом и ведением бизнеса. Он говорил, что ему нравится искусство, но не испытывал ни малейшего желания рисовать. Когда ему намекали активнее развивать навыки в рисовании, он говорил, что ему больше нравится созерцать картины и размышлять над ними. А рисовал он неплохо. С ним всегда были тетрадка и карандаш — он часто забивался в какой-нибудь угол и делал наброски людей или животных. Но он совсем не мечтал о карьере художника.

Он всегда делал домашние задания за кухонным столом без особого энтузиазма и воодушевления. На родительских собраниях Джози и Чарльз всегда расспрашивали учителей, интересуется ли Ноэль чем-то, увлекается ли хоть каким-то предметом. Этот вопрос ставил преподавателей в тупик. С подростками